

Два пути пастырства—латинскій и православный.

Путь латинства.

Латинское духовенство укоряетъ нашихъ пастырей въ полномъ будто бы отсутствіи пастырскихъ способностей, проявляющемся и въ не знаніи общественной жизни, и особенно—въ безучастномъ къ ней отношеніи. Себя они хвалятъ за слѣдованіе примѣру Апостола, сказавшаго „всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкіа спасу“ (I Кор. 9, 22): о насъ напротивъ они говорятъ, будто мы живемъ своею замкнутою жизнью, представляющей собою заледенѣлый бытъ 17-го вѣка, не знаемъ своихъ овецъ и не ходимъ предъ ними, какъ истинный пастырь, которому овцы свои (Іо. 10). Острота этихъ нападокъ особенно чувствительна въ Западномъ Краѣ, гдѣ православное духовенство состоитъ отчасти изъ обращенныхъ уніатовъ, прошедшихъ іезуитскую школу и хотя отрѣшившихся отъ прежнихъ заблужденій, но нерѣдко недоумѣвающихъ надъ вышеприведенными сопоставленіями. Недоумѣваютъ надъ ними и тѣ изъ пастырей великороссовъ, которымъ приходилось присматриваться къ жизни латинскихъ приходовъ, искусно и повидимому весьма всесторонне направляемыхъ своими руководителями къ намѣченнымъ цѣлямъ. Соблазнительнымъ въ данномъ случаѣ является особенно то обстоятельство, что практичность латинскихъ приѣмовъ повидимому оправдывается если не во всѣхъ своихъ частностяхъ, то въ общемъ направленіи указанными словами Божиими, а равно и кажущимся подобіемъ съ жизнью Церкви древней, когда бытъ христіанской общины по всѣмъ своимъ направленіямъ руководствовался указаніями пастыря и былъ совершенно чуждъ того дѣленія на духовную и свѣтскую жизнь, которое къ сожалѣнію у насъ въ

русскихъ приходахъ, даже сельскихъ, намѣчается все рѣзче и рѣзче, причемъ область свѣтской жизни все расширяется въ ущербъ духовной.

Посмотримъ теперь, желательно-ли намъ усвоеніе латинскихъ приѣмовъ пастырства или говоря точнѣе того способа *пастырскаго примѣненія*, которое отличаетъ ихъ дѣятельность отъ жизни духовенства православнаго. Въ чемъ состоитъ примѣненіе латинянъ въ отличіе отъ пастырей православныхъ? Или у послѣднихъ нѣтъ вовсе никакого примѣненія къ людямъ вопреки Апостолу и притчѣ Христовой? На послѣдній вопросъ скажемъ заранѣе, что мы будемъ имѣть въ виду не нарушителей пастырскаго долга, а исполнителей: мы знаемъ много такихъ православныхъ пастырей, которые во всѣ вѣка церковной исторіи бывали головой и сердцемъ для благочестиваго народа, къ которымъ искали и находили дорогу даже нечестивцы, покидавшіе затѣмъ свой прежній погибельный путь и обращавшіеся вновь къ Богу. Одинаково ли ихъ вхожденіе въ жизнь народа съ обычаемъ ксендзовъ и ихъ подражателей, или нѣтъ? вотъ объ этихъ-то двухъ видахъ примѣненія и будетъ у насъ рѣчь. Примѣненіе Апостола къ іудеямъ и эллинамъ, получившее свои наиболѣе высокія проявленія въ Посланіи къ Евреямъ и въ Рѣчи къ афинскому ареопагу, вполне ~~совмѣстимо~~ совмѣстимо съ представленіемъ о проповѣди христіанской, какъ о призваніи людей къ отреченію отъ міра, къ умерщвленію ветхаго человѣка, къ исполненію словъ Христовыхъ о томъ, что нельзя служить двумъ господамъ (Мѡ. 6, 24), ~~ибо~~ кто не съ Нимъ, тотъ противъ Него (Лк. 11, 23). Эта совмѣстимость христіанской строгости и воспрещенія всякаго лукавства съ всеобъемлющей широтой христіанства основывается на томъ, что въ содержаніи каждой народной или общественной жизни есть много естественнаго добра и это-то добро является для проповѣдника и для пастыря тѣмъ расщепомъ дикой яблони, въ который только и можно вложить добрый прививокъ. И всетаки общество или народъ можетъ обратиться ко Христу или къ истинно христіанской жизни не иначе, какъ съ внутренней борьбой и существеннымъ переломомъ, ибо и то естественно доброе въ немъ, что послужило соединительнымъ мостомъ къ принятію благодати, содержалось имъ не по однимъ добрымъ,

но и по грѣховнымъ побужденіямъ и даже преимущественно по этимъ послѣднимъ, въ чемъ собственно и заключается основное свойство всего добраго по естеству, а не по благодатному освященію Христомъ. Такъ наука живетъ въ естественномъ человѣчествѣ не столько по искренней любознательности, сколько по гордости и своекорыстію, благотворительность не столько по братолюбію, сколько по тщеславію и стремленію заглушить голосъ совѣсти ничтожными пожертвованіями для безпечнаго затѣмъ погрязанія въ похоти. Понятно, сколько борьбы и страданій должны пережить эти носители смѣшанной съ порокомъ добродѣтели, призываемые къ принятію христіанской вѣры или къ полному освоенію съ нею, чтобы ради той чистоты, которой достигаетъ естественное добро только въ христіанствѣ, отрѣшиться отъ всякихъ утѣхъ, прежде доставлявшихся ими своему ветхому человѣку. Едва ли не единственный способъ къ обращенію ко Христу естественнаго человѣка будетъ заключаться въ томъ, чтобы показать ему, какой высокой степени достигаетъ въ христіанствѣ сладость той добродѣтели, которая извѣстна ему пока лишь отчасти. Таковъ и былъ способъ проповѣди апостольской.

Ясно, что для служенія ей нужно *знатъ* своихъ овецъ и тѣхъ, „яже не суть отъ двора сего, но ихъ же подобаетъ привести“. Нужно знать ихъ не въ смыслѣ ученаго только или бытоваго ознакомленія съ ними, но въ смыслѣ именно того глубокаго пропикновенія въ тайники душъ, которое преп. Іоаннъ Дамаскинъ называетъ „усвоеніемъ“. Видишь-ли какого либо скептика—Гамлета или Фауста, познай, чего не достаеиъ душѣ, для приближенія къ вѣрѣ, чего люди не сѣумѣли ему указать въ христіанскомъ откровеніи: видишь-ли мнѣщагося филантропа, который силится достигнуть цѣлей челоѣколюбія внѣ Церкви: дознай его душу, чего собственно она жаждетъ,—если по преимуществу своеволія, покажи ему полную несовмѣстимость послѣдняго со служеніемъ ближнему,—если его отчудило невѣдѣніе, то начертай ему картины челоѣколюбія христіанскаго и покажи его безконечное превосходство предъ естественнымъ, касающемся только тѣла и кармана, но не умѣющаго дѣлать сердечныя раны.

Таково ли пастырское примѣненіе католиковъ, чтобы,

испытывая все, держаться добраго (1 Сол. 5, 21), чтобы всесторонне и тонко понявъ личную и общественную жизнь паствы, извлекать къ жизни и усиливать только доброе и имъ побѣждать злое (Римл. 12, 21), воздвигая такимъ образомъ рѣшительную брань въ душахъ для побѣды Христа надъ Веліаромъ? Если приемы ихъ пастырства таковы, то конечно намъ оставалось бы только подражать имъ, укоряя себя за прежнюю медлительность: но намъ должно будетъ съ ужасомъ отвращаться отъ какого бы то ни было подражанія, еслибъ оказалось, что познавъ всё добрыя и злыя начала, дѣйственные въ какой-либо средѣ, они вмѣсто подавленія послѣднихъ словомъ и примѣромъ, пользуются и ими для обращенія человѣка и своей церкви. Тогда будетъ ясно, что они созидаютъ не души, а собственные цѣли и отвергаютъ слова Христовы о томъ, что злое дерево не можетъ принести добраго плода, что научился разумѣть еще премудрый Сынъ Сираховъ, сказавшій: *не говори, ради Господа я отступилъ, ибо что Онъ невидитъ, того ты не долженъ дѣлать, ... ибо Онъ не имѣетъ надобности въ грѣшномъ мужъ*“ (15, 11. 12). Провѣримъ наши запросы прежде всего на той области латинскаго пастырства, гдѣ они намъ не будутъ имѣть возможности говорить, будто мы указываемъ не на правила, а на злоупотребленія — на ихъ отношеніе къ литературѣ и наукѣ, къ естественному разуму. За какую сторону въ этой области берутся они и съ какою стороною христіанской вѣры ее сближаютъ?

Что есть въ естественной европейской литературѣ и наукѣ добраго, внутренне сроднаго съ христіанствомъ и что недобраго, противнаго ему? Наука и словесность на Западѣ развивается отчасти въ противовѣсъ преданіямъ, отчасти въ противовѣсъ порочной дѣйствительности: являясь иногда врагомъ вѣры, она подчасъ бываетъ врагомъ того глубокаго нравственнаго разложенія, въ которомъ погрязаютъ народы, и представляется благородной, хотя и безсильной попыткой выйти изъ тьмы къ свѣту, установить понятіе о добрѣ и злѣ, наполнить жизнь людей челоуѣколюбіемъ и трудомъ взаимопомощи вмѣсто наличнаго развращенія и праздности. Таковыми цѣлями задаются многіе писатели, философы, моралисты: они рѣдко во всемъ совпадаютъ съ

ученіемъ латинства, но по духу, по содержанію ихъ жизненныхъ правилъ они бывають иногда недалеко отъ царства небеснаго, какъ тотъ Христовъ искушитель, который понялъ, что любить Бога и ближняго выше всесожженный и жертвъ (Марк. 12, 33). Во всякомъ случаѣ тотъ проповѣдникъ христіанства, который пожелалъ-бы уничтожить средостѣіе между вѣрой и современной ученой и общественною литературой, долженъ обращаться именно къ этимъ нравственнымъ стремленіямъ представителей мысли. Его задачей будетъ показать, насколько не ясны, разрозненны, сухи и безсильны эти попытки облагородить нравы безъ живой вѣры въ Бога и Христа, безъ содѣйствія спасительной благодати, внѣ того живительнаго единенія съ прежними борцами добра и истины, которые вмѣстѣ образуютъ одно стадо Божіе или Церковь, не разъединяемую ни смертию, ни вѣками.

Поступаютъ-ли такъ католическіе проповѣдники? Къ удивленію нашему—по большей части совсѣмъ наоборотъ: свойственная имъ гибкость въ разнаго рода примѣненіяхъ обыкновенно вовсе покидаетъ ихъ именно здѣсь, гдѣ собственно не было и нужды въ искусственной аккомодаци, а въ простомъ истолкованіи христіанства и науки. Они съ какимъ-то недружелюбнымъ безпокойствомъ слушаютъ писателей, проповѣдующихъ чистоту жизни, самоотверженіе и правдивость; они неохотно пользуются и тѣми изъ нихъ, которые посылають своихъ героевъ въ костелы, приносить покаяніе въ прежнихъ грѣхахъ. Патеры какъ будто бы боятся, что ихъ религію сдѣлають уже слишкомъ святою, и они поспѣшаютъ съ горячностью, достойною лучшей участи, толковать о томъ, будто бы христіанство вовсе не имѣетъ главною цѣлью сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ и безгрѣшнымъ, ибо къ тому-же (?) стремились и стоики; нѣтъ, католическая вѣра предлагаетъ гораздо болѣе опредѣленные средства спасенія, содержащіяся въ сокровищницѣ Церкви въ видѣ таинствъ, индульгенцій и проч. Гдѣ-же наконецъ ихъ практичность? спросить читатель, возмущенный такимъ приниженіемъ вѣры предъ раціоналистическою пустою моралью, — и къмъ? самими служителями вѣры! Читателю, вздумавшему задать такой вопросъ, мы раздѣляя его негодованіе, однако отвѣтимъ, что онъ мало знаетъ

жизнь и имѣть слишкомъ хорошее многіе о большинствѣ людей. То католическое представленіе о христіанствѣ, которое окончательно отвратить отъ него лучшихъ людей между невѣрующими, будетъ принято худшими, коихъ во сто разъ болѣе, чѣмъ первыхъ, гораздо легче, нежели то пониманіе вѣры, которое раскрывало бы ея наивысочайшую нравственную цѣнность, ея свѣтъ, ея всеобъемлющую широту. Правда, ученіе Христово, хотя медленно, но твердо распространялось въ древней Церкви именно благодаря своей духовности, высотѣ, и возраждающему вліянію на своихъ послѣдователей: но не будемъ забывать и того, что князь міра сего готовъ былъ въ одно мгновеніе ока уступить Христу всѣ царства міра, лишь бы Онъ однажды падши поклонился ему. — Конечно, то будетъ уже другой вопросъ, было-ли бы тогда для людей спасительно ихъ обращеніе къ вѣрѣ, какъ и теперешнее обращеніе ихъ къ ксендзамъ съ ихъ непритязательными нравственными требованіями, но во всякомъ случаѣ пока рѣчь будетъ идти собственно о приобрѣтеніи послѣдователей, то нельзя упрекнуть въ непрактичности католическую проповѣдь и письменность, такъ мало заботящуюся о достойномъ соотношеніи христіанства съ высшими нравственными ученіями и стремленіями европейской мысли и жизни и такъ невысоко цѣнящую своихъ немногихъ писателей, пытавшихся выяснить нравственную красоту христіанства независимо отъ спеціальныхъ догматовъ католицизма, каковъ наприм., современный намъ библеистъ Дидонъ.

Если столь пренебрежительно ихъ отношеніе къ тому, что есть лучшаго въ наукѣ, то какъ строгъ долженъ быть ихъ приговоръ относительно обратной стороны враждебной имъ медали, объ изнанкѣ европейской мысли и учено-литературной жизни, объ изнанкѣ, количественно столь сильно превосходящей лицевую сторону? — Разумѣемъ здѣсь прежде всего ложный эмпиризмъ, лишенный и мысли, и образованія, но самоувѣренно претендующій на матеріалистическіе выводы, т. е. не выводы, а просто заявленія, для которыхъ вмѣсто научныхъ основаній являются груды нисколько не связанныхъ съ ними фактовъ, а то и просто модный авторитетъ авторъ, дѣйствующій на толпу столь-же суевѣрно преклоняющую предъ вывѣской учености какъ древніе предъ

безумнымъ бредомъ Пинѳи или маговъ. Неправда ли, только такимъ, достойнымъ слезъ, положеніемъ вещей можно объяснить то, что общество серіозно читало и слушало „открытие“ г. Дарвина о существованіи у животныхъ религіознаго чувства, вытекавшее изъ наблюденія надъ собакой, лаявшей на качаемый вѣтромъ зонтикъ? Съ каждымъ десятилѣтіемъ наука становится все меньше дѣломъ мысли, и ея высшіе регулятивные принципы, напр. пресловутая эволюція, устанавливаются просто модой, какъ техническіе приемы въ жизни невѣжественныхъ ремесленниковъ. Вотъ казалось бы удобное поприще для краснорѣчивыхъ обличеній патетровъ—указывать на внутреннюю ложь современнаго раціонализма, такъ понизившаго цѣнность разума и мысли.

Но что мы видимъ? Католическіе ученые апологеты и сами стоятъ въ громадномъ большинствѣ на этомъ зыбкомъ началѣ—подавлять запросы мысли фактами, мало связанными съ выводами и навязывать послѣдніе лишь во имя уваженія къ своей учености, или даже вовсе не даютъ никакихъ выводовъ, а только воздѣйствовать на довѣрчивое воображеніе толпы, представленіемъ о безднѣ разныхъ отрывочныхъ знаній изъ физики, зоологіи, археологіи и филологіи. Только этими намѣреніями удалось намъ объяснить терпѣливые, многолѣтніе и для интересовъ апологетики и религіи совершенно повидимому безцѣльные труды ксендзовъ по самымъ частнымъ вопросамъ различныхъ свѣтскихъ наукъ; все это совмѣщалось у нихъ съ горячею ревностью о католическихъ лжеученіяхъ и при замѣчательно спокойномъ неразумѣніи общихъ истинъ христіанства, при отсутствіи даже всякой потребности привести къ внутреннему единству различныя стороны христіанской истины, однимъ словомъ—при такомъ-же отсутствіи интеллигентности богословской, какое наблюдается едвали не въ подавляющемъ большинствѣ послѣдователей и даже представителей учености раціоналистической.—Примѣненіе или аккомодация къ современнымъ нравамъ у католическихъ ученыхъ дѣйствительно самое полное, по примѣненію или уподобленію именно той сторонѣ ихъ, которой уподобляться не слѣдуетъ. Дѣлать изъ фактовъ физики выводъ къ любому философскому міровоззрѣнію будетъ всегда возможно, но надѣяться на дѣйствительное, а не мимолетное вліяніе выводовъ иску-

ственныхъ, лишенныхъ искренности и ученаго творчества, значить надѣяться на тщетное. Таковы надежды всѣхъ ихъ физико-математическихъ факультетовъ съ усовершенствованными машинами, но безъ міровоззрѣнія, а только съ упорною тенденціей. Не отрицаемъ конечно пользы естественно-научныхъ познаній въ апологетѣ и пользованія ими для богословскихъ излѣдованій, но оно должно быть связано съ цѣлымъ философскимъ міровоззрѣніемъ или по крайней мѣрѣ довольствоваться значеніемъ выводовъ служебныхъ для болѣе широкаго обобщительнаго познанія, но не замѣнять собою послѣднее.

Мы поставили вопросъ о томъ, съ какою стороною христіанства сближаютъ католическіе ученые свои научные выводы. — Почти исключительно со стороною эмпирической, историческою, а не принципиальной. Безконечная матерія о библейской космологіи и хронологіи, да разныя соотношенія библейскихъ и церковныхъ событій со свидѣтельствами историковъ окрестныхъ городовъ — вотъ любимое занятіе католической апологетики, какъ будто бы не желающей замѣтить, что борьба міровоззрѣній гораздо глубже, что она не есть борьба разнорѣчащихъ опредѣленій фактовъ, годовъ и событій, но просто принциповъ: дѣйствителенъ-ли міропорядокъ нравственный, или только механическій, должно-ли жить для святой вѣчности, или ѣсть и пить, ибо завтра мы утроемъ и погибнемъ безслѣдно. Не отрицаемъ мы значенія и частныхъ фактическихъ сближеній, но они имѣютъ смыслъ лишь подъ условіемъ предварительнаго примиренія принциповъ, коимъ такъ мало заняты умы католическихъ богослововъ.

Обратимся-ли къ той нравственной фізіономіи, которую принимаетъ на себя католическая ученость; увы мы здѣсь увидимъ всѣ тѣ, отталкивающія черты, которыми опредѣляется горделивый ученый атеистъ: высокомѣріе и холодный цинизмъ, заманивая загадочность и не договариванье, однимъ словомъ все то, что отличало софистовъ отъ Сократа и книжниковъ отъ Апостоловъ, — все то, что пужно для умственнаго порабощенія, а не просвѣщенія, мальчиковъ и полуобразованной буржуазіи, — все то, отъ чего были свободенъ Колумбъ и Коперникъ, отъ чего предостерегаетъ мудрецовъ св. Іаковъ въ своемъ Посланіи (3, 13—

18). Это не горячая исповѣдь Гусса и не простота Моцартовскаго генія; правда у нихъ меньше риску подвергнуться грубому осмѣянію невѣждъ, но за то и меньше надеждъ пробудить въ сердцахъ жажду истины и свѣта.

Но довольно: какіе дальнѣйшіе способы католической пропаганды? Кажется, всѣ важнѣйшіе изъ нихъ опредѣляются тѣми началами, которыя господствуютъ надъ свѣтскою, мірскою безрелигіозною жизнью: таковы прежде всего политическіе, т. е. административные и экономическіе вопросы. Большинство даже папскихъ буллъ разсуждаютъ объ этихъ предметахъ. Многіе русскіе одобряютъ то явленіе, что католическая церковь спѣшитъ сказать свое слово по поводу всякаго начала, занимающаго умы. Но мы въ этой лихорадочной поспѣшности видимъ выраженіе ея внутренней безсодержательности. Папа какъ бы уже признаетъ, что теперь для его папствы вся суть жизни свелась къ тому, быть-ли республикѣ и социализму, — или не быть. И вотъ онъ торопится не столько судить эти начала, сколько зарекомендовать католикамъ ихъ же собственную вѣру съ точки зрѣнія политическихъ страстей данной минуты. Ему нечего говорить о спасеніи, о вѣчности, объ Іисусѣ Христѣ, онъ не въ силахъ предложить имъ какого либо жизненнаго проявленія, вытекающаго изъ самаго существа христіанства и церкви: онъ смотритъ лишь туда, гдѣ теперь сила и старается ее задобрить для своихъ видовъ. Право-же, католическое духовенство, издавна дышащее послѣдней политической минутой, прежде выражавшейся въ переворотахъ придворныхъ, а теперь въ основныхъ и существенныхъ, окончательно уподобилось тому учителю, который сначала держалъ учениковъ за книжками въ непрекословномъ повиновеніи, а потомъ сталъ заискивать въ нихъ. Видители, ученики, прискучивъ его властолюбіемъ, выбросили книжки въ окно, прогнали учителя и сами ушли изъ класса въ трактиръ. Учитель вмѣсто прежней строгости сталъ расхваливать трактирные подвиги своихъ смѣлыхъ питомцевъ и осмѣиваемый и выталкиваемый изъ комнаты, началъ самъ приносить къ нимъ вина только съ просьбой, чтобы они выпили и за его здоровье. Естественно, что истратившіеся мальчишки стали снова дружелюбно встрѣчать его и выманивать новыхъ угощеній; глумленія стали ослабѣвать и даже

послышалось, что учитель въ сущности добръйшій старичекъ. Но я съ своей стороны вове не нахожу, что его положеніе теперь улучшилось и предпочелъ бы время его наименьшей популярности. — Католицизмъ славится свѣтскимъ изяществомъ и аристократичностью; здѣсь его средневѣковое еще наслѣдство. Наиболѣе послѣдовательные католики—иезуиты требуютъ отъ новыхъ къ себѣ пришельцевъ по крайней мѣрѣ двухъ изъ трехъ качествъ—учености, красоты и благороднаго происхожденія. Большой свѣтъ, т. е. высшее общество, проводящее жизнь въ праздныхъ и грѣховныхъ удовольствіяхъ особенно благосклонно къ изящнымъ и спиходительнымъ патерамъ, которые исподтишка напештываютъ ему, что папа въ душѣ—все тотъ-же средневѣковой аристократъ, презирающій невѣжественную чернь, но принужденный печальными обстоятельствами времени удерживать ее ласковыми рѣчами, какъ Горацій своими одами. Подобную аккомодацию латинства можно съ особеннымъ интересомъ наблюдать въ нашей старой Польшѣ, гдѣ духовные отцы часто не считаютъ нужнымъ скрывать своего глубокаго презрѣнія къ простодушному народу, ни своего благоговѣнія предъ знатностью и богатствомъ пановъ. Вообще съ особенною энергіей и кажущимся успѣхомъ пропагандисты папизма дѣйствуютъ тамъ, гдѣ сильны народныя или сословныя страсти, гдѣ люди готовы родниться съ чѣмъ угодно, лишь бы помочь своей партіи: таковы теперь Австрія и Германія. — Не будемъ говорить много о пресловутомъ миссіонерствѣ папистовъ: здѣсь постыдное примѣненіе доходитъ до того, что на языческихъ идоловъ надѣваютъ крестики и назвавъ ихъ Иисусомъ Христомъ, дозволяютъ кланяться имъ и послѣ крещенія. Обращаютъ они не столько проповѣдью, сколько деньгами, такъ-что обращеніе язычника въ католичество вовсе не свидѣтельствуетъ о какомъ-либо правственномъ подъемѣ въ его жизни: какъ мало оно походитъ на обращеніе Закхея или Маріи Магдалины! — Выѣшніе способы обращенія въ папизмъ извѣстны: строятся богатые училища и вотъ всѣ обольщенія европеизма, столь привлекательные для некультурныхъ азіатовъ или африканцевъ, обильно замѣняютъ собою слово апостольскаго убѣжденія и примѣры святой жизни. Сверхъ того миссіонеры быстро осваиваются съ условіями мѣстной политической жизни и при помощи

консуловъ достигаютъ того, что быть католикомъ становится для инородцевъ необыкновенно выгодно. Евангеліе, Іисусъ Христосъ и вѣчная жизнь занимаютъ самое скромное мѣсто во всемъ миссіонерскомъ дѣлѣ и еслибъ крещальныя слова измѣнять соотвѣтственно существу дѣла, то пришлось бы крестить имъ или во имя денегъ, или во имя европейской цивилизаціи, или во имя ходатайства за новокрещеннаго предъ властями, но не во имя Пресвятой Троицы. Христіанства нѣтъ тамъ, гдѣ полный переворотъ жизни язычника замѣняется лишь частнымъ и постепеннымъ ея облагороженіемъ.

Впрочемъ довольно: послѣдовательность латинства сохраняется во всѣхъ сторонахъ его жизни настолько твердо, что въ подробности входить представляется совершенно излишнимъ. Раскрывая эту послѣдовательность, мы вовсе не хотѣли указывать на личные пороки и паденія дѣятелей, часто столь усердныхъ и даже самоотверженныхъ, но разсмотрѣть тѣ общія начала пастырства, коими они руководятся. Правда, перечитывая ихъ курсы Пастырскаго Богословія, мы не нашли этихъ началъ, выраженныхъ столь прямо и откровенно, но не могли не замѣтить, что вниманіе пастыреучителей всегда обращено лишь на то впечатлѣніе, которое можетъ произвести ихъ читатель—пастырь на людей;—какъ будто пѣтъ среди насъ еще высшаго Судіи нашихъ дѣяній, словъ и мыслей, который сказалъ, что нужно очистить *„прежде внутренность чаши и блюда, что бы была чиста и внѣшность“* (Мѡ. 23, 26). Итакъ въ чемъ заключается основное свойство пастырскаго примѣненія католиковъ? не въ сближеніи съ лучшими сторонами естественной жизни, но въ служеніи и потворствѣ ея наиболѣе тонкимъ страстямъ. Такое средство дѣйственно, ибо всѣмъ дороги ихъ страсти, и ради дозволеннаго служенія имъ, люди съ готовностью согласятся на тѣ внѣшнія ограниченія и повинности, которыя налагаются на нихъ духовенствомъ, учащимъ о спасительномъ значеніи внѣшнихъ дѣлъ и заслугъ: но это средство ведетъ не къ религіи, какъ поставленію высшей цѣли жизни въ Богѣ, а лишь къ іерархической организаціи, посему всего менѣе угодной Богу, *„аще бо челоувѣкомъ угождаѣхъ быхъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“* (Гал. 1, 10). Впрочемъ и въ сей-

то жизни не имѣють надлежащей прочности приемы современнаго католическаго пастырства, развившіеся до своихъ послѣднихъ предѣловъ; „ибо Онъ разрушаетъ замыслы коварныхъ и руки ихъ не довершаютъ предпріятія. Онъ уловляетъ мудрецовъ ихъ же лукавствомъ, и советъ хитрыхъ становится тщетнымъ“ (Іов. 5, 13). Посему „не ревнуй успѣвающему въ пути своемъ, человеку лукавствующему,.... ибо дѣлающіе зло истребятся, уповающіе же на Господа насладятся землею (псал. 36, 7—9), „ненавидящій правду можетъ-ли владычествовать (Іов. 34, 17)?“ Наглядное и совершенно справедливое раскрытіе цѣлей и средствъ современной католической іерархіи можно читать у Достоевскаго въ рѣчи „Великаго Инквизитора“.

Свойства лучшихъ пастырей православныхъ.

Если мы спросимъ, каковы-же ближайшія свойства при-мѣненія къ людямъ пастырей истинной Церкви, требуемыя Словомъ Божиимъ, и пожелаемъ дать отвѣтъ на основаніи практики нашей отечественной церкви: то нѣкоторые слушатели наши заткнули бы уши съ громкимъ заявленіемъ о томъ, что наша практика есть отрицаніе всякой близости пастыря къ своему стаду. Въ виду такого возможнаго отношенія измѣнимъ способъ нашихъ разъясненій, доселѣ указывавшій на приемы общія почти всему латинскому духовенству и въ умѣ каждого образованнаго человѣка имѣющіе множество подтвердительныхъ примѣровъ. Переходя къ описанію нашихъ православныхъ понятій и обычаевъ, остановимся просто на картинахъ жизни лучшихъ, т. е. наиболѣе глубоко и широко вліяющихъ пастырей, но при томъ же и глубоко церковныхъ, выражающихъ въ своей личности и дѣятельности не какую-либо новую, дотолѣ невидимую въ церковной жизни идею, а напротивъ преемственно повторяющихъ въ своей жизни, при самыхъ незначительныхъ личныхъ особенностяхъ явленія „тогожде единаго Духа“ (1 Кор. 12, 4), Который на протяженіи вѣковъ все тотъ же, или, какъ учить Церковь, „вся подаетъ Духъ Святый, точить пророчества, священники совершаетъ.... и весь собираетъ соборъ церковный“. Итакъ,

читатель, пойдемъ къ такимъ пастырямъ со мною и съ огромнымъ множествомъ русскихъ людей, стекающихся туда отъ всѣхъ мѣстъ, сословій, положеній и даже убѣжденій или безубѣжденности, освобождающихся здѣсь отъ всякихъ раздѣленій. Подобное общество спутниковъ уже научаетъ тому, что насъ ожидаетъ нѣчто, совершенно противоположное латинскимъ аккомодаторамъ, которыхъ вліяніе рассчитано именно на опредѣленный народъ, сословіе, партію. А здѣсь, какъ видите, *„все вмѣстѣ раздробилось: желѣзо, глина, мѣдь, серебро и золото сдѣлались, какъ прахъ на лѣтнихъ гумнахъ“* (Дан. 2, 35);—такъ исчезло всякое раздѣленіе между различными положеніями людей и поистинѣ единое стадо спѣшить къ служителю единого Пастыря. Какъ-же удалось ему такое превращеніе, для котораго казались безсильными мудрѣйшіе изъ повелителей совѣсти и сердца?

Ксендзъ такъ устраиваетъ свой бытъ и вырабатываетъ себѣ такое обращеніе, чтобы съ самаго перваго впечатлѣнія очаровать своего собесѣдника: напротивъ, наши духовные руководители всего менѣе заботятся о созданіи для себя подобной обстановки и подобнаго обращенія. Если вамъ попадались восторженные рассказы ихъ почитателей о первой встрѣчѣ съ ними, то въ громадномъ большинствѣ ихъ вы найдете повѣствованія о томъ, съ какими препятствіями разскащикъ добрался до монастыря, съ какимъ трудомъ добился и дождался очереди для уединенной бесѣды со старцемъ и наконецъ, съ какимъ разочарованіемъ вмѣсто ожидаемой благолѣпной красоты, встрѣтилъ невзрачнаго и невнушительнаго по рѣчамъ старичка, поразившаго его простотою своего пріема почти такъ-же непріятно, какъ нѣкогда пророкъ Елисей вельможнаго Неемана.

Если вы далѣе станете читать подобные рассказы или сами доберетесь до жилища старца, то увидите, что его беззаботное отношеніе къ первому впечатлѣнію на посѣтителей происходитъ вслѣдствіе совершенной переполненности его жизни внутреннимъ, аскетическимъ, и внѣшнимъ, пастырскимъ содержаніемъ: къ нему обращается столько народу, что ему не до пріемовъ и не до импонированія, столь чуждыхъ ему и по самому своимъ существу. Онъ не ищетъ

расширенія своей дѣятельности, но еле-еле успѣваетъ освоиться съ тѣмъ количествомъ дѣлъ, которыя на немъ висятъ.

Въ чемъ же заключается та духовная мощь, которая влечетъ къ нему сердца? во внѣшней-ли удобопримѣняемости ко всѣмъ нуждамъ людей? Вовсе нѣтъ. Правда, если вы пришли къ старцу съ опредѣленнымъ запросомъ, горемъ или сомнѣнiемъ по поводу не вполне выяснивагося жизненнаго плана, то вамъ, конечно, отвѣтятъ на вашъ ближайшій вопросъ, но та духовная сила, которая войдетъ въ васъ, просвѣтитъ и примиритъ съ жизнью, будетъ заключаться не столько въ самомъ содержанiи отвѣта, сколько въ томъ обстоятельстве, что свѣтящаяся въ обликѣ и рѣчи душа старца перельетъ и въ вашу душу совершенно новое, дотолѣ вамъ невѣдомое содержанiе. Пришлецъ ощутитъ близость къ намъ Бога и Христа Спасителя, сладость служенiя Ему и къ этимъ-то началамъ всего сильнѣе начнетъ тяготѣть его духъ. Волновавшія его сомнѣнiя сами собою представятся ему смѣшными, оплакиваемая потеря растворится блаженнымъ утѣщенiемъ, однимъ словомъ онъ получитъ Христа въ свое сердце,—и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенiе всякихъ затрудненiй, подобно Закхею, который самъ собою понялъ, что надлежало ему сдѣлать по принятiи Господа подъ свою сѣнь. И замѣчательно то, что въ бесѣдахъ съ нашими старцами—монахами или iереемъ, подобное настроенiе испытывали не только всѣ приходившіе къ нимъ съ желанiемъ каяться и назидаться, всѣ и знатные, и простолюдины: но и маловѣрующіе, которые являлись къ нимъ болѣе ради искушенiя ихъ, нежели ради наученiя,—если только имъ было свойственно хотя малое стремленiе къ добру и исканiе правды.

Откуда же стяжали себѣ подобную широту и терпимость эти старцы, знающіе развѣ Библию и нѣсколько отеческихъ творенiй? какъ объяснить, что съ ними находили общую почву даже такіе нецерковные мыслители, какъ Л. Н. Толстой,—что ихъ изреченiя приводятся въ сочиненiяхъ и другихъ публицистовъ философскаго направленiя, не признающихъ, подобно первому, никакого научнаго и нравственнаго значенiя за нашей учено-богословской литературой?

Неужели о. Іоаннъ Кронштадтскій или о. Амвросій знаютъ всѣ блужданiя современной мысли и жизни, или сами

они обладаютъ своего рода философскимъ камнемъ духовнаго врачеванія? Да, именно послѣднія слова — „духовное врачеваніе“ и опредѣляютъ ту силу, которою они превосходятъ книжную ученость: прежде всего они все содержаніе нашей св. вѣры вслѣдъ за св.отцами—лучшими ея истолкователями—изучали именно со стороны того духовнаго врачеванія нашихъ немощей и грѣховъ, со стороны того назначенія, которое истины Откровенія и всѣ слова св. Библии, и церковныя постановленія имѣютъ въ происходящей у каждаго изъ насъ борьбѣ добра и зла — возсозданіи въ насъ новаго человѣка. „Для сего рожденія и Дѣва, для сего ясли и Вифлеемъ“, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, объясняя истину нашего искушенія. Въ этомъ цѣлостномъ разумѣніи св. вѣры нашей первое преимущество нашихъ учителей предъ инославными.

Познавъ при свѣтѣ ученія церковнаго по опыту собственной борьбы законы нашей нравственной природы, православные учителя добродѣтели, тѣмъ самымъ легко могутъ опредѣлить и нравственное состояніе своего собесѣдника, хотя бы и не зная тѣхъ отвлеченностей, которыя вводятъ душу его въ помыслъ сомнѣнія: зато учитель сразу покажетъ тебѣ, какія именно грѣховныя стремленія твоей собственной воли прилѣпляютъ душу твою къ сомнѣніямъ, дѣлаютъ безутѣшною въ горѣ, лишаютъ надежды, повергаютъ въ гнѣвливость. Къ этому часто присоединяется въ бесѣдѣ старца и немудреное, но замѣчательно здоровое и сильное замѣчаніе, разбивающее хитро сплетенныя возраженія противъ истинъ вѣры, и конечно, еслибъ къ ясному, чистому уму присоединялась бы и ученость, по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, чтобы располагать философскою рѣчью, то побѣда ихъ надъ сомнѣніями первыхъ двухъ—трехъ пришельцевъ привлекла бы къ дверямъ ихъ келліи и цѣлыя толпы сомнѣвающихся русскихъ людей, какъ извѣстно, въ зрѣломъ возрастѣ, всегда возвращающихся къ исканію вѣры, но уже живой и сознательной. Они бы не ошиблись въ своемъ стремленіи къ этимъ дверямъ, ибо нашли бы въ той келлѣ главное, чего неоставало для проясненія ихъ ума, нашли бы въ себѣ самихъ давно утраченную и не возсозидаемую путемъ чтенія способность быть искреннимъ предъ самимъ собою, возвратить

довѣріе голосу собственной совѣсти и разума, различать, что говорить миѣ послѣдній и что внушается со стороны упрямаго и нерѣдко безпричиннаго озлобленія противъ жизни, людей и Бога. Мы сказали, что средствомъ къ разъясненію людямъ ихъ заблужденій служить у старцевъ знаніе природы человѣческой и духовнаго врачевства св. вѣры: но этого было бы достаточно для пришельцевъ исполненныхъ уже покаянія и искренняго самоосужденія, а для тѣхъ, особенно изъ полувѣрующаго общества, которые еще нуждаются въ усвоеніи такой настроенности, указанныхъ средствъ мало. Но у нашихъ старцевъ и лучшихъ пастырей есть и еще средство, нѣкая благодатная способность того „усвоенія“ себѣ, своему сердцу, каждаго ближняго, которое дается пастырю, достигшему высшаго дара христіанской любви и дѣласть его подобнымъ Пастыреначальнику, о Которомъ сказалъ пророкъ и затѣмъ евангелистъ: *„Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ болѣзни“* (Мѡ. 8, 17). — Въ силу этого благодатнаго усвоенія каждая душа, болящая грѣхами или уныніемъ, или невѣріемъ, чувствуетъ, что она не чужая для учителя, что духъ его оъ любовію и состраданіемъ объемлетъ ее и какъ бы сообщаетъ ей свою собственную жизнь, свои собственные силы, даже не собственные личныя, а нѣкоторыя высшія, ему присущія, и уже не словами, а непосредственно передаваемыми ощущеніями говорить: *„молю же васъ, подобни миѣ бывайте, якоже азъ Христу“* (1 Кор. 4, 16). Ощущенія эти подобны тѣмъ, которыя испытываетъ совѣмъ изнемогавшій путникъ, когда встрѣтившій его бодрый силачъ возьметъ его подъ руку и дружески начнетъ побуждать къ окончанію пути, указывая на виднѣющееся вдали теплое пристанище. — Пужды нѣтъ, что церковный, повидимому, столь замкнутый въ извѣстныхъ формахъ, духъ старца привлекаетъ къ себѣ душу еще не очищенную, т. е. или лютаго грѣшника, или невѣрующаго, или воспитаннаго совершенно въ иныхъ понятіяхъ, нежели его новый руководитель: старецъ получилъ даръ добираться въ каждомъ „до человѣка“, относиться къ нему помимо всѣхъ личинъ словесности и разныхъ условностей и усвоенныхъ въ жизни заблужденій, но прямо къ его „внутреннему человѣку“, котораго этотъ прежде и самъ въ себѣ пожалуй не зналъ,

а нынѣ вдругъ восчувствовалъ подѣ усладительнымъ вліяніемъ святой и сострадательной любви, которая сіяла въ очахъ и рѣчахъ, напр. Серафима Саровскаго, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе тяжкій грѣшникъ къ нему приходилъ. Конечно, этотъ духовный подъемъ, который обнаружился въ грѣшникѣ или въ отрицателѣ, еще не есть его полное обращеніе, но онъ возвратилъ ему теперь полную возможность послѣдняго. О, конечно онъ теперь найдетъ возможность и грѣховную свою жизненную обстановку перемѣнить на другую, болѣе сообразованную съ подвигомъ исправленія,—и свои сомнѣнія привести на судъ здоровой мысли и науки, поискавъ соотвѣтственныхъ книгъ или живыхъ учителей истины, которыхъ прежде онъ предубѣжденно избѣгалъ.

Но вы требуете полной святости для усиѣннаго пастырскаго дѣланія? спросить меня читатель. Для полного успѣха, конечно святости, почему во всѣхъ неуспѣхахъ пастырь долженъ неуклоняться отъ самоукоренія своей духовной неполноты, но скажемъ, что и на пути постепеннаго усвоенія святости, который конечно долженъ быть общимъ удѣломъ и главнѣйшею цѣлью всѣхъ христіанъ — на самомъ пути къ святости, для пастырей слѣдовательно несовершенныхъ, возможно отчасти подобное „усвоеніе“ себѣ душъ своихъ чадъ духовныхъ, „усвоеніе“, въ которомъ и заключается сущность православнаго пастырскаго примѣненія, чуждаго всякаго іезуитизма и лжи. Мы видимъ, что дѣйственность нашихъ лучшихъ пастырей обусловливается тремя началами и направляетъ мысль на четвертое. Начала эти—1) знаніе Божественнаго ученія и установленій церковныхъ не въ сухо догматическомъ изложеніи, но со стороны духовнаго врачевства, въ нихъ содержащагося, 2) знаніе человѣка въ его борьбѣ между добромъ и зломъ, 3) способность къ сострадательной любви. Если къ этому присоединились 4) знаніе человѣческихъ заблужденій общественныхъ и ложно-научныхъ, т. е. знаніе жизни и науки опять-же не со стороны фактической только, но именно со стороны ихъ заманчивости для современныхъ характеровъ, а равно и ихъ вліянія на нравственную жизнь человѣка, то мы получимъ образъ совершеннаго пастыря. Изъ этихъ четырехъ началъ, необходимыхъ для пастырскаго совершенства, ближайшее

значение собственно для пастырского примѣненія или „усвоенія“, какъ *внѣшняго обнаруженія* духа пастырского, имѣютъ конечно второе и четвертое, хотя оно и невозможно безъ перваго и третьяго, но этими послѣдними началами опредѣляется прежде всего *внутренняя жизнь* пастыря. О нихъ скажемъ только то на сей разъ, что пренебрежительное забвеніе этихъ началъ въ современныхъ курсахъ Пастырскаго Богословія, сказавшееся въ совершенномъ опущеніи цѣлаго отдѣла науки, т. е. „Пастырской аскетики“, достойно искреннѣйшаго сожалѣнія, и при томъ особенно въ настоящее время, когда есть къ тому прекрасныя руководства преосв. Теофана, преподававшаго Аскетику въ Духовной Академіи. И если нѣкоторые авторы по Пастырскому Богословію оправдываютъ свое опущеніе тѣмъ, что нравственные „свойства пастыря“ излагались у насъ безъ нарочитаго приложенія къ пастырямъ, и примѣнимы ко всякому христіанину, то это можно отнести лишь къ недостаткамъ прежнихъ курсовъ, а не къ излишеству самого предмета. Задача Аскетики не столько въ раскрытіи христіанскаго совершенства и христіанскихъ обязанностей, сколько въ указаніи пути къ ихъ постепенному достиженію. Для пастыря всякая хорошая Аскетика, даже общехристіанская, имѣетъ двоякое значеніе: во первыхъ, она научитъ его, какъ стяжать въ себѣ даръ этой благодатной всеобъемлющей любви къ людямъ, которая не дается ему безъ нарочитыхъ къ тому духовныхъ упражненій; во вторыхъ, она поможетъ ему раскрывать самое ученіе христіанское съ той, нужной для пастыря точки зрѣнія, съ которой она не раскрывается въ богословскихъ учебныхъ пособіяхъ,—съ точки зрѣнія духовно-врачебной силы содержащихся Церковью истинъ и установленій. Вотъ почему извѣстный Никодимъ Святгорецъ, издавая аскетическую книгу учителей 6-го вѣка Іоанна и Варсануфія, писалъ въ предисловіи, что ее читать необходимо для руководства Архіереямъ, Игуменамъ и Іереямъ, ради врачеванія душъ.

Но представимъ себѣ, что пастырь имѣетъ и знаніе Божественнаго закона, и христіанскую любовь къ людямъ: какъ теперь ему научиться во первыхъ распознаванію людей со стороны происходящей въ нихъ духовной борьбы, а во

вторыхъ, въ чемъ должно заключаться его освоenie съ жизнью и мыслью современнаго ему общества или порученнаго прихода, дабы онъ зналъ, какія именно начала долженъ онъ восполнять или замѣнять благодатными христіанскими врачеваніями. Въ этомъ-то ближайшемъ образомъ будетъ заключаться то истинно пастырское примѣненіе или усвоеніе, которое ставилъ себѣ въ заслугу св. Апостолъ Павелъ. Какъ научиться познавать человека, гдѣ путь къ тому глубокому и непосредственному прозрѣнію во внутренній его міръ, которое стяжали духовные старцы? Конечно главное условіе сего дара—любовь, достигаемая внутреннею духовною жизнью, о которой мы теперь не будемъ говорить. „Любовь сыщеть слова, коими можетъ созидать ближняго. Она представитъ способъ и умъ, и языкъ твой направить, и дѣло сіе не требуетъ красныхъ рѣчей, единого напоминанія требуетъ“. Этимъ изреченіемъ святит. Тихона Задонскаго (II, 319) подтверждаются наши слова о томъ преимуществѣ въ дѣлѣ пастырскаго усвоенія, которое получаютъ учителя, достигшіе дара благодатной любви, но мы постараемся указать и нѣкоторые прямые способы обученія духовному прозрѣнію, которые доступны пастырямъ, еще только начинающимъ духовную жизнь.—Первымъ условіемъ такого обученія является всетаки внутреннее дѣланіе—вниманіе себѣ, т. е. внимательная оцѣнка своихъ движеній и помысловъ, постоянное прозрѣніе въ себѣ самомъ борьбы двухъ началъ—добраго и злаго, по большей части укрывающагося за добрыми-же намѣреніями, но на самомъ дѣлѣ наполняющаго душу похотью или гордостью. Имѣя всегда предъ очами совѣсти своей собственный внутренній міръ, пастырь церкви, по аналогіи съ ними быстро начинаетъ осваиваться съ борьбой, происходящей въ душахъ ему свѣренныхъ. Болѣе широкое проникновеніе въ эту область даетъ ему исповѣдь, если онъ имѣетъ возможность и желаніе совершать ее не торопясь. Тогда онъ будетъ раскрывать своими вопросами не отдѣльныя паденія своихъ духовныхъ чадъ, но именно эту ихъ внутреннюю борьбу, постепенное зарожденіе въ нихъ помысловъ и страстей, свойства ихъ жизненныхъ интересовъ и стремленій, и конечно только такимъ образомъ получить возможность давать имъ по руководству Отцевъ полезныя совѣты, на что онъ будетъ вовсе

не способенъ, если ограничится выслушаніемъ ихъ грѣхопадснй, какъ это къ сожалѣнію обыкновенно бываетъ. Не правда ли, что гораздо легче дать совѣтъ, добившись посредствомъ вопросовъ, какова главная внутренняя страсть грѣшника, нежели узнавъ, сколько разъ онъ поссорился, солгалъ, отказалъ въ милости и пр.? Послѣ такого сухаго перечисленія едва-ли какой духовникъ и рѣшится дать совѣтъ, а если его попросятъ, то развѣ скажетъ что нибудь на обумъ, приказавъ напр., читать ежедневно ту молитву, которая сейчасъ случайно пришла ему на память. Во всякомъ случаѣ пастырь указаннымъ способомъ исповѣди пріобрѣтаетъ познанія въ духовныхъ болѣзняхъ человѣка. Отъ него зависитъ большую часть своихъ бесѣдъ съ прихожанами дѣлать распространеніемъ бесѣды исповѣдальной. Наши русскіе христіане, если только надѣются встрѣтить въ пастырѣ духовнаго врача и совѣтника, то съ полною готовностью будутъ сами направлять всѣ свои бесѣды съ ними на предметы духовной жизни. Напротивъ того, они очень тяготеютъ тѣми священниками, которые по незнанію условій общественной жизни, стараются показаться предъ мірянами знатоками свѣтскости и торопятся засыпать ихъ доказательствами своей разносторонности. Говоруновъ на свѣтскія темы свѣтскіе люди встрѣчаютъ достаточно среди своихъ, а рѣдко видимый ими священникъ гораздо болѣе доставитъ имъ утѣшенія, если представитъ себя своему прихожанину, какъ участливый руководитель его духовной жизни. Однимъ словомъ поприще для изученія послѣдней всегда открыто русскому пастырю; было бы у него желаніе ее изучать.

Достигнувъ возможной для живущаго среди мірской суеты пастыря правственной чуткости, по которой онъ можетъ опредѣлять по крайшій мѣрѣ основныя черты характера каждаго человѣка, священникъ лишь въ томъ случаѣ будетъ въ состояніи пользоваться этимъ даромъ для пасенія душъ, если будемъ поставлять свою собственную душу и свою бесѣду въ опредѣленное отношеніе къ разнымъ сторонамъ въ душѣ ближняго, т. е. вызывать къ жизни его новаго человѣка и поборать съ нимъ ветхаго. Представимъ себѣ столь обычный въ русской жизни типъ добраго, искренняго юноши съ горячимъ сочувствіемъ къ добру, но безхарактернаго и страстнаго. Окружающая его жизнь, направляетъ

мая лишь къ исканію каждымъ выгоды и удовольствій, затягиваетъ его въ пучину страстей и безпечности; но вотъ онъ встрѣчаетъ пастыря, ясно прозрѣвающаго его немудреную психологію, со скорбью взирающаго на его безпечную лѣнь и паденія и съ сердечнымъ сострадательнымъ сочувствіемъ желающаго сохранить и возгрѣть едва уже мерцающій въ немъ огонекъ высшихъ святыхъ стремленій; для сей цѣли пастырь предлагаетъ ему участіе въ приходской благотворительности, въ школѣ и т. п. простомъ, смиренномъ, но святомъ дѣлѣ. Юноша сразу откликается на призывъ и дотолѣ меркнувшія, святые упованія возвращаются къ жизни и развитію. Вѣроятно однако, что эта прививка дѣятельнаго добра не избавитъ его сразу отъ дальнѣйшихъ паденій, но внутренняя борьба обострится, а священникъ будетъ съ того времени ему представляться, какъ ангелъ-хранитель, какъ всегдашняя нравственная опора и утѣшитель.

Когда подобное-же отношеніе къ пастырю усвоятъ всѣ сыны его прихода, такъ что онъ будетъ на самомъ дѣлѣ, а не по названію только, представлять собою воинствующую церковь, то задача истинно пастырскаго примѣненія исполнена. Нелегкая эта задача, но намъ приходилось видѣть ея осуществленіе и законоучителями и духовниками заведеній благотворительныхъ, и приходскими пастырями; всѣ они не свободны отъ враговъ и лжебратій, но и въ жизненной общественной борьбѣ, и во внутренней личной борьбѣ каждого прихожанина эти пастыри занимали мѣсто какъ бы второй совѣсти: къ нимъ шли за совѣтами, ихъ слова ожидали въ горѣ, на ихъ слово опирались въ борьбѣ.

Доселѣ мы говорили о людяхъ, непредубѣжденных противъ религіи и церкви, а много вѣдъ предубѣжденныхъ, у которыхъ жизнь осложнена заблужденіями и вмѣсто истинныхъ христіанскихъ понятій ихъ разумомъ владѣетъ толстовщина, или позитивизмъ, или иное увлеченіе, а православія они даже и не знаютъ и знать не хотятъ. Вотъ здѣсь-то и нужно пастырю вникать въ эти лжеученія и смотрѣть, какія именно оболъщенія увлекли неразумное сердце христіанина. Почти всегда подобное увлеченіе не было лишено какого-нибудь по крайней мѣрѣ такого призрака добра, который, по мнѣнію заблуждающагося, содер-

жится исключительно въ принятомъ ими лжеученіи; такъ многіе современные наши толстовцы готовы думать, что ихъ учитель впервые сказалъ о святости и высотѣ дѣвства, что только съ Некрасова появилась, у людей образованныхъ любовь къ простолюдинамъ, что Церковь учитъ ненависти ко всѣмъ народамъ кромѣ соотечественниковъ и т. п. При внимательномъ взглядѣ на вещи, можно замѣтить, что въ Россіи самое-то принятое лжеученіе выросло и составило себѣ извѣстную силу всегда на подобномъ-же недоразумѣніи и такъ сказать монополизируя себѣ какое-нибудь доброе начало, тѣмъ привлекаетъ къ себѣ неутвержденные въ христіанскомъ разумѣніи сердца. Только самозванцы могли создавать въ Россіи народныя возстанія, такъ и возстанія мысли созидались всегда у насъ на обманѣ. Чтобы снова воротить заблудшихъ къ истинѣ, нужно конечно показать имъ, что добро, искомое ими на сторонѣ, гораздо обильнѣе, свѣтлѣе и чище сіяетъ въ вѣнцѣ Церкви, нужно съ полною научною и душевною убѣдительною примѣнить къ заблуждающимся краткое твореніе Св. Тихона: „Христосъ грѣшную душу къ Себѣ призываетъ“. Въ этомъ твореніи Святителя Господь представленъ упрекающимъ человѣка за то, что онъ забылъ, оставилъ Его и возлюбилъ міръ, — и объясняющимъ падшему, что у Него только имѣются въ полнотѣ и совершенной красотѣ тѣ сокровища, за тщетнымъ разысканіемъ которыхъ человѣкъ бросился въ житейское море: искалъ-ли онъ богатства, красоты, славы—все это во Христѣ только обрѣтается и притомъ очищенное отъ грѣха и соединенныхъ съ нимъ внутреннихъ мученій.—Задача современныхъ просвѣщенныхъ пастырей миссіонеровъ, а особенно писателей, нарочито занимающихся апологетикой и духовной публицистикой, заключается именно въ томъ, чтобы, не ограничиваясь внутренней критикой лжеученія или раскрытіемъ содержащихся въ немъ противорѣчій и ошибокъ, указать и тотъ положительный магнитъ, который привлекаетъ къ нему добрыя, но неразсудительныя сердца и затѣмъ раскрыть эту привлекательную идею въ томъ лучшемъ совершеннѣйшемъ видѣ, который она пріобрѣтаетъ въ ученіи христіанскомъ, напр. сравнить сухую любовь толстовщины, выражающуюся въ вещественной и трудовой помощи ближнему съ любовію

христіанской, не устраняющейя и отъ подобныхъ же обнаруженій, но имѣющей высшею цѣлью общее духовное совершенство (— „да вси едино будутъ“ въ Богѣ. Іо. 17) и выражающуюся не въ дѣятельности только, но въ живомъ нѣжномъ чувствѣ ко всѣмъ безъ изыятія людямъ. Такой полемистъ будетъ достойнымъ ученикомъ божественнаго Павла, проповѣдавашаго Аѳинянамъ того самаго Невѣдомаго Бога, Которому они незная поклонялись, но въ совершеннѣйшемъ христіанскомъ представленіи. Вы спросите, какъ же стѣмѣетъ пастырь церкви уловить привлекательную силу лжеученій, когда обольщенное этимъ послѣднимъ отъ него удаляются? Ему здѣсь поможетъ то самое, что помогло и Апостолу Павлу приблизить истинное ученіе о Богѣ къ потемненному сознанію Аѳинянъ — народная словесность, народное творчество, назвавшее еще тогда людей родомъ Божиимъ (Дѣян. 17, 28). Такое-же значеніе имѣетъ и русская изящная словесность для свѣтскаго общества и юношества: въ настоящемъ положеніи ихъ она замѣняетъ имъ и мораль, и философію. Изучая литературу нашу, пастырь будетъ какъ бы введенъ въ самую сердцевину русской общественной и нравственной жизни: онъ по ней увидитъ, какими именно нравственными побужденіями русскіе люди вовлекаются въ тѣ или другія направленія мысли и жизни; понявъ-же это, онъ при ясности и широтѣ собственнаго христіанскаго міровоззрѣнія, уже безъ труда можетъ показывать его нравственное превосходство предъ всѣми заблужденіями и такимъ образомъ явиться для заблудшихъ прежде всего занимательнымъ, далѣе близкимъ, наконецъ полезнымъ, утѣшительнымъ и просвѣтительнымъ собесѣдникомъ. Тутъ то онъ и будетъ для подзаконныхъ какъ подзаконный и для неподзаконныхъ — неподзаконнымъ, подобно Верховному Апостолу.

Обращенные имъ къ истинѣ слушатели и собесѣдники будутъ обращены не случайно, не чрезъ вторичное недоразумѣніе, какъ у католиковъ съ ихъ угожденіемъ вѣкусамъ, но именно чрезъ утоленіе ихъ духовной жажды, о которой сказалъ Господь примѣнительно къ Своему ученію: *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто вѣруетъ во Меня, у того, какъ сказано во Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой*“ (Іо. 7, 37, 38).

Старые люди говорили мнѣ, что знатокъ святоотеческой литературы А. С. Хомяковъ, когда его знакомцы, увлекшіеся разными послѣдними словами западной гуманности, приносили ему иностранныя книги съ высокими идеями, всегда умѣлъ находить у Отцевъ Церкви тѣ-же мысли, но въ еще болѣе свѣтломъ раскрытіи, и побѣдоносно противопоставлялъ ихъ своимъ собесѣдникамъ. Вотъ истинное примѣненіе христіанства, вотъ какого глубокаго разумѣнія вѣры и сочувственно-сострадательнаго пониманія мысли и жизни должны достигнуть пастыри православной Церкви, чтобы служить къ осуществленію ея цѣлей на землѣ и осуждая католиковъ въ примѣненіяхъ неискреннихъ и живыхъ, самимъ не остаться осужденнымъ за безучастіе къ духовнымъ нуждамъ паствы.

Архимандритъ Антоній.

